

Митрополит Волоколамский Иларион: Исламского терроризма не бывает

В октябре 2015 года Русская Православная Церковь добилась того, чтобы в России был одобрен паспорт научной специальности "теология". После этого стало возможным формирование первого диссертационного совета по теологии. Его планируется создать на базе МГУ, РАНХиГС и Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. О том, чем отличается теология от религиоведения, как не дать последнему превратиться в "научный атеизм", допустимо ли использовать словосочетание "исламский терроризм", и о вреде сектантства в интервью "Интерфакс-Религия" рассказал председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион.

- Владыка, в своих публичных выступлениях Вы нередко говорите о недопустимости использования таких формулировок, как "религиозный терроризм" или "исламский терроризм". Почему Вы считаете их неприемлемыми?

- В последние годы мы столкнулись с невиданным прежде натиском терроризма, который многие по недоразумению называют "исламским" или "религиозным". Многие люди убеждены, что террористы, которые злодействуют сегодня на Ближнем Востоке, в некоторых других регионах мира, совершают свои бесчинства потому, что этому учит их религия. На самом деле это не так: не бывает ни исламского, ни какого бы то ни было иного терроризма во имя религии. Ни одна религия не учит убивать людей, совершать злодеяния и террористические акты. Происходит некая подмена, когда люди, совершающие преступления, используют религиозные лозунги для их оправдания и для вербовки в свои ряды. То есть мы можем говорить не о религиозном терроризме, а о терроризме под религиозными лозунгами, о том, что люди совершают преступления, кощунственно прикрываясь именем Божиим и религией.

- 22 апреля в Российской академии народного хозяйства и государственной службы состоялся всероссийский симпозиум, который собрал под одной крышей теологов и религиоведов. В чем разница между религиоведением и теологией?

- В том, что теология преподается людьми, которые знают религиозную традицию изнутри, тогда как религиоведы смотрят на религиозные традиции извне. Мы не говорим, что это плохо или что это недопустимо. На симпозиуме, который Вы упомянули, я сравнил теологию и религиоведение с музыкой и музыкальной критикой. Есть музыканты-практики: один играет на фортепиано, другой - на скрипке, третий - на валторне, четвертый пишет музыку. Но есть еще музыканты-теоретики - те,

которые оценивают деятельность практиков, которые нам говорят, какой пианист лучше, какой хуже, какую музыку слушать, какую не слушать. Очень часто практики считают теоретиков людьми бесполезными и ненужными, потому что, как правило, музыкальные критики портят жизнь композиторам, пианистам, валторнистам и так далее. Но для стороннего слушателя, тем не менее, они могут приносить пользу.

Так вот, мы считаем, что религиоведение тоже может приносить пользу, потому что оно может давать некий отстраненный взгляд - не хочу сказать объективный, потому что объективный взгляд на религию, с моей точки зрения, возможен только изнутри религиозной традиции. Но рассматривать закономерности, которые есть в мире, взаимодействие между религиозными традициями, происходящие внутри них процессы и смотреть на это все со стороны - в этом есть определенная польза, в том числе и с нашей точки зрения. Нам тоже нужен взгляд со стороны. Мы очень часто замыкаемся в своей среде и перестаем видеть собственные недостатки. Когда нам кто-то на них деликатно указывает, мы положительно на это реагируем.

- Многие современные религиоведы в прошлом были преподавателями "научного атеизма" и сейчас стоят на атеистических позициях. При таких установках возможен ли диалог между ними и теологами?

- Без взаимодействия с теологией религиоведение может вновь превратиться в "научный атеизм". На мой взгляд, неправда так называемого научного атеизма заключалась в том, что он представлял себя как некое объективное мировоззрение, мол, вот есть разные религиозные заблуждения - вот такое, вот другое, вот третье, а научный атеизм прививает людям научный взгляд на мир.

Наука и религия - это две разных сферы. Я знаю множество ученых людей, в том числе в естественнонаучных дисциплинах, которые являются глубоко верующими людьми. Им вера не препятствует быть учеными.

Я думаю, что взаимодействие между религиоведением и теологией должно осуществляться в режиме диалога. Это взаимопользительный диалог, он нужен и теологам, и религиоведам. Думаю, очень важно, чтобы религиоведение и теология существовали параллельно. Эти два направления не должны друг друга поглощать, потому что ими используются разные методики, разный взгляд на религиозные традиции. Но диалог необходим, без него религиоведение фактически будет превращаться в тот же самый научный атеизм, враждебный к религиозным традициям.

Недавно один религиовед в разговоре со мной оспорил мою точку зрения относительно того, что не бывает "религиозного терроризма". Для нас, религиоведов, сказал он, и ваххабизм, и сатанизм

- это тоже религии. Мы так не считаем: есть религия, а есть антирелигия. Мы, православные христиане, взаимодействуем с религиозными традициями, встречаемся с мусульманами, буддистами, иудеями. Но мы не встречаемся с сатанистами, сектантами и не встречаемся с террористами. Мы не ведем с ними диалог. Я думаю, вы хорошо понимаете, что диалог с террористами может быть только один - их уничтожение. Другого лекарства, к сожалению, человечество против этой чумы не нашло.

Сатанизм и сектантство - явления одного порядка: даже если сатанисты не убивают людей физически, они уничтожают их духовно и морально. Поэтому в диалог с ними мы вступать не можем. Мы можем с ними только бороться. Очень важно, чтобы и теологи, и религиоведы понимали опасность, которую несут эти учения.

Если человек говорит: "Я неверующий. Я прочитал Библию, но мне не понравилось, в церковь ходил, но мне неинтересно", это его право. Но когда под видом религии подается что-то, что с нашей точки зрения является антирелигией, это является очень серьезным вызовом. Не будем забывать о том, что бесы в этом мире часто маскируются под ангелов, о чем еще апостол Павел говорил. А секты маскируются под церкви.

- В чем главная опасность сект?

- Отвечу вам на основе опыта храма на Ордынке, где я служу. Один из священников нашего храма регулярно проводит беседы с теми, кто стал жертвой той или иной секты. Это, как правило, люди крещенные, воспитанные в православной вере, которые потом по какой-то причине уклонились в секту. Когда они возвращаются к нам, они встречаются с нашим священником, полгода он с ними беседует, занимается, а потом они воссоединяются с Церковью. Чин присоединения я совершаю раз в полгода, и каждый раз в нем участвует от 50 до 100 человек. В Лазареву субботу к Церкви присоединилось, а точнее, с Церковью воссоединилось около ста людей.

Что я извлекаю из общения со многими из них? Я вижу, что за время, которое они провели в секте, их успели духовно, психологически, морально сломить. Это не те люди, которые уходили из Церкви, - они надломленные, порой с различными психическими повреждениями. Возможно, они попали в секту, потому что у них была к этому предрасположенность. Сектанты ведь тоже не дураки - они не каждого встречного в свою организацию затянут. Они ходят по улицам, подходят к одному, к другому, к третьему: сто человек пройдет мимо, а сто первый остановится и заговорит с сектантскими вербовщиками. Значит, есть некая предрасположенность, и они такого человека вербуют.

Но то, что происходит с человеком, попавшим под их влияние, очень страшно. Секты разрушают

семьи, отнимают у людей имущество, делают их психически неполноценными, зомбируют. И возвращение из секты в Церковь - всегда очень трудный, очень болезненный процесс. В общении с такими людьми я вижу, какой вред наносит сектантство.

Православные христиане могут мирно и спокойно сосуществовать с мусульманами, с иудеями, с буддистами, с атеистами (при условии, что это не "воинствующие" атеисты, всеми правдами и неправдами борющиеся с религией). Но мирное сосуществование с сектами и с сатанистами невозможно. Мы должны с ними бороться. Думаю, это нужно делать всем миром вне зависимости от наших религиозных убеждений.

Верит человек в Бога или не верит - думаю, ни один не захочет, чтобы его сын или дочь попали в сатанинскую секту. Значит, на этой почве и верующие, и атеисты могут объединиться. И, конечно, большую помощь в борьбе с деструктивными культами могут оказать религиоведы - как верующие, так и неверующие. Но только при условии, что они будут уметь отличать религию от антирелигии, православие от сатанизма, Церковь от секты.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/49455/>